

Новое издание путевых записок Эриха Лассоты фон Штеблау

А. Ю. Прокопьев, Т. Г. Таирова

Для цитирования: Прокопьев А. Ю., Таирова Т. Г. Новое издание путевых записок Эриха Лассоты фон Штеблау // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. Вып. 2. С. 648–662. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2022.220>

Рецензия анализирует новое издание путевых записок силезского дворянина Эриха Лассоты фон Штеблау (1550–1616). Оно было подготовлено интернациональным коллективом авторов из Скандинавии и Германии под руководством Томаса Рииса. Путевые записки Лассоты являются важнейшим источником по истории XVI в. и целого ряда европейских регионов. Лассота побывал в качестве наемного командира и дипломата в Испании, Португалии, Польше, Швеции и Украине. До сих пор его свидетельства интересовали преимущественно историков лишь этих стран. В фокусе интересов стояли преимущественно этнографические и политические аспекты. Между тем новое издание впервые после 1866 г. соединяет весь корпус известных нам записей Лассоты и позволяет перенести дискуссию в более широкую плоскость. Как отражен в его текстах религиозный климат эпохи? Писал их католик или протестант? Можно ли говорить о национальных или политических предпочтениях автора? Наконец, каким было дворянское мировоззрение Лассоты, и как он конструировал собственную сословную идентичность? Кроме того, дворянин из Силезии живо интересовался военным делом, в частности испанской тактикой ведения боя. Его записки демонстрируют также и уровень книжной культуры, знакомства автора с сочинениями выдающихся современников. Все указанные аспекты сегодня пребывают в центре внимания европейских историков на широком межрегиональном материале. Записки Лассоты в связи с этим формируют настоящую энциклопедию дворянской жизни в конфессиональную эпоху. Было бы важным вслед за изданием его путевых заметок подготовить коллективную монографию, которая позволила бы осветить отдельные направления, отраженные в его дневниках. Думается, что принципиально необходимо также провести широкий сравнительный анализ текста Лассоты и дневниковых записей его современников, прежде всего уроженцев земель Священной Римской империи, выявить общее и особенное в авторской мысли.

Ключевые слова: конфессиональная эпоха, раннее Новое время, Священная Римская империя, дворянство, путевые записки, Эрих Лассота фон Штеблау.

Андрей Юрьевич Прокопьев — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; a.prokopiev@spbu.ru

Andrei Yu. Prokopiev — Dr. Sci. (History), Professor, St Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation; a.prokopiev@spbu.ru

Татьяна Геннадиевна Таирова — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; t.tairova@spbu.ru

Tatiana G. Tairova — Dr. Sci. (History), Professor, St Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation; t.tairova@spbu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

New Edition of the Travel Notes of Erich Lassota von Steblau

A. Yu. Prokopiev, T. G. Tairova

For citation: Prokopiev A. Yu., Tairova T. G. New Edition of the Travel Notes of Erich Lassota von Steblau. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2022, vol. 67, issue 2, pp. 648–662. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2022.220> (In Russian)

The review analyzes the new edition of the travel notes of the Silesian nobleman Erich Lassota von Steblau (1550–1616). It was prepared by an international team of authors from Scandinavia and Germany led by Thomas Riis. Lassota's travel notes are the most important source on the history of the 16th century and a number of European countries. Lassota traveled as a mercenary commander and diplomat to Spain, Portugal, Poland, Sweden, and Ukraine. Until now, only historians of these countries have been interested in his testimonies. The focus of researches was mainly on ethnographic and political aspects. Meanwhile, for the first time since 1866, the new edition has united the entire corpus of Lassota's records known to us and enables to widen the scope of the discussion. How was the religious climate of the era reflected in his texts and to which extent? Were they written by a Catholic or a Protestant? Can we talk about the national or political preferences of the author? Finally, what was Lassota's gentry worldview, and how did he construct his own estate identity? In addition, a nobleman from Silesia was keenly interested in military affairs, in particular, in Spanish combat tactics. His notes also demonstrate the level of book culture, the author's acquaintance with the works of prominent contemporaries. All these aspects nowadays are noteworthy to European historians on a wide interregional material.

Keywords: confessional era, early modern times, Holy Roman Empire, nobility, travel notes, Erich Lassota von Steblau.

Свидетельства прошлого часто обладают удивительной биографией долгого исследовательского пути. Они не только однажды обнаруживаются в недрах библиотечных или архивных собраний и увековечиваются неким каноническим изданием, на которое позже будут ссылаться или критиковать, но и переиздаются на разных языках, изучаются под углом зрения региональных или событийных интересов. Подобное замечание можно смело отнести к запискам дворянина из Силезии и подданного императора Священной Римской империи Эриха Лассоты фон Штеблау (ок. 1550 — 1616). Его хорошо известные путевые заметки спустя почти 150 лет были вновь изданы интернациональным коллективом ученых под общим руководством профессора Томаса Рииса в голштинском издательстве «Соливагус»¹.

Издание подводит итог многолетнему проекту публикации путевых свидетельств о Дании, сделанных до 1700 г., идея которого возникла еще в 1963 г. Реализация его потребовала титанического труда целого коллектива скандинавских и немецких историков.

Сам автор записок едва ли мог представить, на какую благодатную почву ляжет его труд столетия спустя, когда развернутся насыщенные научные дискуссии о его эпохе, и как много проблем окажется завязано в тугой узел на страницах его текста, случайно обнаруженного в XIX в. одним добросовестным библиотекарем

¹ Kreuz und quer durch Europa. Von Krieg, Politik, Kultur und Religion. Das Tagebuch des habsburgischen Diplomaten und Landsknechtführers Erich Lassota von Steblau (1573–1594) / hrsg. von Th. Riis. Kiel, 2021 (далее — Das Tagebuch).

из Бунцлау. Интерес к подобным текстам — настоящее зеркало меняющихся научных ориентиров. За полтора века дневник Лассоты переиздавался отдельными фрагментами на нескольких языках, включая немецкий, русский, испанский, португальский, польский и украинский². В эпоху торжества национал-государственной идеи подобный подход не мог казаться удивительным. Польские коллеги живо интересовались описанием событий «межкоролевья», когда после смерти Батория в 1586 г. рухнули надежды на скорое достижение компромисса вокруг фигуры претендента на трон Речи Посполитой и кандидатура эрцгерцога Максимилиана Габсбурга, чьим поверенным выступал Лассота, выглядела вполне реалистично. Особенно интересны были обстоятельства крушения габсбургской партии, свидетелем которого был сам автор, разделивший судьбу сторонников эрцгерцога в знаменитой битве под Бычином в январе 1588 г. Испанские и португальские историки и сегодня смотрят на дневники Лассоты как на важный источник по событиям 1580–1582 гг., когда после гибели короля Себастьяна и кончины регента Португальская корона соединилась в династической унии с Мадридом. Русскими и украинскими учеными Лассота особенно ценился за свои сведения о быте запорожского казачества. Публикация части текста Лассоты, сделанная в 1873 г. с первого немецкого издания известным историком и профессором Новороссийского университета Федором Карловичем Бруном, на долгое время оставался единственным опытом перевода и комментарием для русскоязычной аудитории. Так, изначально цельный корпус записок был разорван по национальным интересам.

Впервые рукопись Лассоты увидела свет стараниями Райнхарда Шоттина в 1866 г. Малоизвестный библиотекарь стал, собственно, ее первооткрывателем, снабдив публикацию обширными документальными приложениями. Сегодня Томас Риис и его коллеги вновь обращаются ко всему корпусу записок. Новое издание представляется исключительно актуальным прежде всего в контексте современной дискуссии об эпохе и источнике.

Название книги сохраняет традиционное для немецкой историографии определение текста Лассоты как дневника. Данное определение требует, однако, комментариев для русскоязычной публики. Ко времени Лассоты жанр дневника как личных записок с присущими ему чертами, едва ли еще сложился в землях Священной Римской империи. Существовали отдельные официальные подневные записи, например, надворных ведомств и уполномоченных к записям лиц, именовавшиеся диариями, но они фиксировали лишь определенную группу событий и не содержали элементов авторских суждений или наблюдений³.

Текст Лассоты, несомненно, выпадает из разряда официальных диариев, хотя все свои странствия дворянин осуществлял, будучи на службе у своего сюзерена — Дома Габсбургов и его отдельных представителей, включая императора Священной Римской империи как короля Богемии, в ленном подданстве которого находились

---

² Tagebuch des Erich Lassota von Steblau. Nach einer Hs. der von Gersdorff-Weicha'schen Bibliothek zu Bautzen / bearb. von R. Schottin. Halle, 1866 (далее — Schottin); Путевые записки Эриха Лассоты, отправленного римским императором Рудольфом II к запорожцам в 1594 г. / пер. и примеч. Ф. Бруна. СПб., 1873; *Liske J. Viajes de extranjerer por Espana y Portugal en los siglos XV, XVI y XVII. Madrid, 1878; Opiso Ukrainy Eryka Lassoty i Wilhelma Bauplana / ed. Z. Wojcik. Warszawa, 1972.*

³ Обзор проблематики см.: *Hocke G. R. Europäische Tagebücher aus vier Jahrhunderten. Motive und Anthologie. Frankfurt am Main, 1991; Wuthenow R. R. Europäische Tagebücher. Eigenart, Formen, Entwicklung. Darmstadt, 1990.*

и силезские княжества. Записки привязаны лишь ко времени путешествий и не фиксируют события постоянной локации, имея в виду родовое гнездо в Силезии. Они распадаются на четыре хронологических отрезка: август 1578 г. — октябрь 1584 г., когда Лассота с разрешения государя поступил на службу к испанскому королю и действовал в качестве командира пехотного подразделения на Пиренеях; 1585–1589 гг., когда Лассота представлял интересы своего патрона эрцгерцога Максимилиана в Польше; август 1590 г. — май 1593 г., когда он вновь с официальным поручением Габсбургов отправился в Россию, чтобы оказаться в конечном счете в шведском плену, так и не выполнив своей миссии; наконец, январь — август 1594 г., когда силезец вторично посетил Польшу, чтобы договориться с казачеством относительно имперской службы. Таким образом, все четыре периода объединены функцией службы и могут, пусть и с натяжкой, считаться некой формой полуофициального отчета. Из блока выпадает лишь хронологически самый ранний сюжет: итальянский тур, охватывавший период с декабря 1573 г. по июль 1576 г. Здесь Лассота выступает вполне частным лицом, молодым дворянином, отправившимся на Апеннины за университетскими знаниями⁴.

Говоря о дневниках Лассоты, невозможно отрицать элементы авторского видения; его записи, конечно же, следует отнести к разряду эгодокументов, дискуссия о содержании и элементах которых активно ведется с конца прошлого века⁵. И все же определение «дневник», а точнее, «дневники» едва ли следует здесь калькировать из немецкой традиции. Оно представляется слишком жестким, перегруженным глубоко личностными рефлексиями, свойственными гораздо более поздней эпохе и лишь отчасти проступающими в нашем источнике. Правильней было бы именовать текст Лассоты путевыми записями, организованными по хронологическому принципу. Собственно, этот термин и ввел первый русскоязычный издатель Лассоты Ф. К. Брун в 1873 г., что на сегодняшний день видится вполне корректным.

Все записи Лассоты роднит общая структура, которая за некоторыми исключениями (долгое пребывание в одном месте, морское плавание, встречи с важными персонами) содержит своего рода обязательные элементы: дату, указание на расстояние, пройденное между пунктами путешествия (в единицах измерения стран, по которым проезжал автор), на место отбытия или прибытия. Часто упоминается прием пищи (в абсолютном большинстве фиксируется завтрак), описывается «нарратив», связанный с местами, людьми и свершившимися за день событиями.

Время появления записей едва ли соответствовало времени описываемых событий. Текстологический анализ, проведенный в свое время Р. Шоттином, позволяет утверждать о позднейшем формировании всего корпуса, в основе которого

---

⁴ Das Tagebuch. S. 14–18.

⁵ Литература весьма обширна. Укажем лишь на важнейшие работы по эпохе раннего Нового времени: *Schulze W.* Ego-Dokumente. Annäherung an den Menschen in der Geschichte? Vorüberlegungen für die Tagung «Ego-Dokumente» // Ego-Dokumente. Annäherung an den Menschen in der Geschichte. Berlin, 1996. S. 11–30; *Selbstzeugnisse in der Frühen Neuzeit. Individualisierungsweisen in interdisziplinärer Perspektive* / hrsg. C. von Greyerz. Oldenbourg, München, 2007; *Rutz A.* Ego-Dokument oder Ich-Konstruktion? Selbstzeugnisse als Quellen zur Erforschung des frühneuzeitlichen Menschen // *Zeitenblicke*. 2002. Bd. 1, Nr. 2. URL: <http://www.https://zeitenblicke.de/2002/02/index.html> (дата обращения: 21.09.2021); *Krusenstjern B. von.* Was sind Selbstzeugnisse? Begriffskritische und quellenkundliche Überlegungen anhand von Beispielen aus dem 17. Jahrhundert // *Historische Anthropologie. Kultur, Gesellschaft, Alltag*. 1994. Bd. 2. S. 462–471.

лежали лишь более краткие, видимо, подневные записи, сделанные Лассотой непосредственно в дороге⁶. Итоговый же вариант есть результат последующих доработок. Подобной версии придерживался и Томас Риис⁷.

Новое издание сопровождается перепечаткой документов, проливающих свет на последние десятилетия его жизни в Верхней Венгрии (Кашау/Кошице), уже известных по изданию Р. Шоттина, и двумя письмами из времени вынужденного пребывания Лассоты в Швеции, недавно обнаруженных в архивах Хофбурга⁸. В кратком предисловии Т. Рииса указана лишь общая библиография, чего-либо нового о жизненном пути Лассоты она не содержит⁹.

Местечко Блашевитц в Верхней Силезии, видимо, можно считать местом рождения Лассоты (ок. 1550 г.). Его многочисленные родственники из разветвленного клана принадлежали, несомненно, к дворянской элите здешних земель. По меньшей мере, с позднего Средневековья род Лассоты владел многочисленными поместьями сразу в нескольких силезских княжествах, а его родственники состояли на престижной службе у местных Пястов. Впрочем, опубликованные генеалогии дают лишь самую общую информацию и совершенно бегло упоминают самого Эриха Лассоту. Первая часть «Силезских достопримечательностей» неумолимого эрудита и ректора лигницкой гимназии Иоганна Синапия, изданная в Лейпциге в 1720 г., содержит, видимо, первый крупный очерк семейной истории¹⁰. Записи Синапия оставались для историков и тогда (Иоганн Генрих Цедлер¹¹), и позже (Р. Шоттин¹²) главным источником информации. Немногие данные о его близких мы можем почерпнуть из его же записок, а специальных исследований до сих пор не предпринималось. Известно, что в декабре 1573 г. Лассота вместе с братом Фридрихом и дядей Георгом Штоффельном отправились в Италию, где молодые дворяне должны были постигать премудрости наук¹³.

Последующая жизнь силезца до 1594 г. известна только по его запискам. Лассота в 1580 г. с разрешения августейшего патрона выступил командиром немецкой пехоты на испанской службе и участвовал в последней кампании герцога Толедского. Он сражался в Португалии в составе испанских линейных войск против сторонников дона Антонио, приора Прату, главного из оставшихся противников династической унии из числа португальской знати. Лассота побывал в Сантарене, Лиссабоне и дважды на кораблях в составе королевского флота во время знаменитых азорских экспедиций (то была крайняя западная точка на карте его путешествий). Получив отставку, силезец в 1585 г. возвратился домой через Италию. Впрочем, наслаждаться пребыванием в родных землях ему довелось недолго: с 1587 г. он вновь в пути, на сей раз действуя агентом эрцгерцога Максимилиана в его польских делах. Позже он отбыл в далекую Московию с дипломатической миссией императора Рудольфа II и эрцгерцога Максимилиана. Вояж окончился шведским пленом,

⁶ Schottin. S. 3–4.

⁷ Das Tagebuch. S. 11.

⁸ Das Tagebuch. S. 405–407.

⁹ Das Tagebuch. S. 8–10.

¹⁰ Sinapius J. Schlesischer Curiositäten. Th. 1. Leipzig, 1720. S. 578–581.

¹¹ Zedler J. Grosses vollständiges Universal-Lexicon aller Wissenschaften und Künste. Bd. 16. Halle, Leipzig, 1737. S. 450.

¹² Schottin. S. 3–6.

¹³ Das Tagebuch. S. 14.

долгими мытарствами и освобождением в 1593 г. Наконец в 1594 г. мы видим его на берегах Днепра: дворянин спешил к запорожским казакам вновь по поручению короны. Записи обрываются на последних месяцах этого года.

О дальнейшей судьбе Лассоты известно лишь из нескольких документов. 9 марта 1595 г. эрцгерцог Матфей по поручению своего брата-императора рассматривал его кандидатуру на занятие должности мустермайстера Верхней Венгрии, то есть ответственного за содержание квартировавшихся войск. Из письма явствует, что Лассота уже был временно назначен на эту должность полковником Георгом Тиффенбахом. Служебные качества кандидата исключали всякие сомнения, и эрцгерцог выразил свое согласие на назначение¹⁴. Известно, что предложение было утверждено августейшей волей.

Много позже, будучи на указанном посту и резидируя в Кошау/Кошице, Лассота оказался захвачен знаменитой венгерской смутой начала нового века: выступление Стефана Бочкаи в 1605–1606 гг. затронуло владения венгерской короны к северу от Дуная. Кошау оказался во власти трансильванцев и их союзников. Лассота серьезно опасался за свою жизнь, будучи ленником и сторонником императора. К рукописи записок приложена копия письма Матфея от 8 декабря 1606 г. на имя Георга Хорвата Плавецкого, давнего друга Бочкаи с просьбой ходатайствовать перед лидером мятежников о реституции отнятого у Лассоты имущества¹⁵. Сам Лассота, по свидетельству Синапия, составил особую «реляцию» о захвате Кошау, в которой повествовал о приключившихся с ним бедах¹⁶.

Наконец, 8 августа 1611 г. последовал указ эрцгерцога Максимилиана, главы Немецкого ордена в землях Священной Римской империи, назначавший Лассоту за 33 года верной службы советником при его особе. Получение послания визировано на документе рукой Лассоты (14 августа), а сам скрепленный печатью оригинал утрачен¹⁷. Там же, в Кошау, Лассота встретил свои последние дни в 1616 г. Судьба избавила старого слугу Габсбургского Дома от несчастий Тридцатилетней войны.

Жизненный путь Лассоты стал одним из многих в лабиринте габсбургской клиентелы. Потому большее значение имеет сегодня не столько чисто политическая или этнографическая сторона его записок, интересовавшая историков минувших столетий, сколько они сами в контексте эпохи. Здесь представляется важным выделить прежде всего два аспекта: конфессиональный и социальный.

Лассота был свидетелем ближайших последствий религиозного раскола и Реформации, трещины от которых простерлись по Европе и его родной Силезии в том числе. Протестантские общины как лютеранского, так и реформатского толка повсеместно, особенно в городах, соседствовали с католическими, а силезские Пясты давно уже ориентировались на владетельные земли протестантских единоверцев, преимущественно на курфюршество Саксония — с середины XVI в. главного патрона евангелических сословий империи¹⁸. Владетельная карта герцогства Силезского была чрезвычайно насыщена: помимо княжеских земель Пястов, име-

¹⁴ Das Tagebuch. S. 409.

¹⁵ Ibid. S. 410–411.

¹⁶ Sinapius J. Schlesischer Curiositäten. Th. II. S. 771.

¹⁷ Das Tagebuch. S. 413–414.

¹⁸ Подробнее см.: Прокопьев А. Ю. Иоганн Георг I курфюрст Саксонии. Власть и элита в конфессиональной Германии. СПб., 2011.

лись анклавы, принадлежавшие непосредственно королю Богемии как верховному сюзерену из дома Габсбургов. Позиции протестантов были там поначалу не столь крепки и обрели прочность лишь в эпоху правления императора Максимилиана II в 1564–1576 гг. Император боялся разрушить хрупкое согласие в Империи и предпочитал придерживаться политики терпимости к многочисленным подданным-протестантам¹⁹. Первые записки Лассоты приходятся как раз на последние годы правления императора-«эразмианца».

Новое издание записок позволяет актуализировать проблему конфессионального восприятия в век религиозного раскола. Насколько сильно оно ощущается в тексте Лассоты? В литературе до сих пор нет единой точки зрения относительно вероисповедания силезца. Автор новой публикации также избегает однозначного ответа²⁰.

Между тем география путешествий впечатляет. Она охватывает католический юго-запад Европы (итальянские княжества, Испанию и Португалию), Центральную Европу (Баварию, Австрию, собственно Богемские коронные земли, Силезию, Северную Венгрию) с ее чрезвычайно смешанной на тот момент конфессиональной структурой, западные и южные области Речи Посполитой, ее православную южно-украинскую часть и наконец, протестантский север — владения шведской короны в северной Эстляндии, собственно Швеции и лютеранской Дании. За четверть века, проведенного в пути, Лассота охватил почти весь конфессиональный пейзаж Европы.

Его вероисповедание нигде не проступает явственно, нигде в своих записках он прямо не ассоциирует себя с конкретной конфессией. Но все же иногда становятся заметны косвенные признаки: восприятие религиозных достопримечательностей на чужбине, личные, порой очень эмоциональные суждения.

Обращает на себя внимание совершенная индифферентность автора записок к культовым объектам родной для него Верхней Силезии, Богемии и Австрии. Он не упоминает ни многочисленные тамошние староцерковные святыни, ни моленные дома протестантов и их конфессионально окрашенный быт. Для него здешняя религиозная атмосфера — скорее обыденность, не достойная пера. В полной мере его интерес раскрывается только вдали от родных краев. Чем дальше от дома, тем больше внимания к духовному быту. Оно резко возрастает при посещении итальянских городов и достигает самых ярких красок в картинах испано-португальских странствий.

Девять раз в тексте его «пиренейского тура» встречаются описания церквей, монастырей и содержащихся там святынь. Большинство сделаны они на обратном пути, то есть после окончания активной фазы кампании, когда Лассота мог спокойно фиксировать увиденное. Впрочем, есть вероятность и преднамеренного дополнения, написанного уже дома и представленного в чистовике. В описании проступают черты общей схемы: немного слов о внешнем облике храма или монастыря

---

¹⁹ Общие работы по истории Силезии конфессиональной эпохи см.: *Machilek E.* Schlesien // *Territorien des Reichs im Zeitalter der Reformation und der Konfessionalisierung*. Bd. 2. Münster, 1990. S. 102–138; *Balcke J.* Das Herzogtum Schlesien im politischen System der böhmischen Krone // *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*. 1995. Bd. 45. S. 21–55; *Weber M.* Das Verhältnis Schlesiens zum Alten Reich in der Frühen Neuzeit. Böhlau, Köln, 1992; *Conrads N.* Schlesiens frühe Neuzeit // *Schlesien*. Siedler, Berlin, 1994. S. 13–36.

²⁰ Das Tagebuch. S. 12.

(«чудный, «красивый»), отчасти об алтарном пространстве и, как правило, резкий переход к обзору чудотворных образов и реликвий, сопровождающийся рассказом об их происхождении. Последняя часть занимает почти всегда центральное место. Здесь мы не прослеживаем предпочтений, могущих указывать на протестантский взгляд, например христоцентричных мотивов в противовес идолопоклонничеству. Нигде не ощущается предубежденность или внутреннее отрицание увиденного. Лассота уделяет внимание чудотворному Распятию, образам Пречистой Девы и святым с их мощами, подробно повествует о чудесах, впрочем, избегая назидательности и ссылаясь на общее мнение («как говорят...», «утверждают...»). Лишь в одном случае заметен очевидный скепсис: в доминиканском конvente Сантарена автор видел в алтаре каменные поставцы, о которых говорили, что будто бы вино, с них снятое, возвращает жизнь умирающим. «*Sit fides sicut et in reliquis, penes authores*», — заключает он свой рассказ²¹.

Но, кажется, встречаются и непосредственные свидетельства веры. Кульминацию мы видим при описании знаменитой обители Св. Иоакова в Компостеле (25–27 января 1581 г.) и Сантарене (29 октября 1581 г.). При посещении Компостелы офицер поступил как настоящий паломник, причастившись и получив за именем кардинала исповедальное свидетельство²². Лассота о нем не только упоминает, но и приводит полный его текст на испанском. Т. Риис полагает такой поступок возможной уловкой, дабы стяжать доверие католического окружения, тогда как сам автор, возможно, принадлежал к протестантской конфессии. Но почему Лассота оставил запись в тексте, уже будучи дома, располагая временем и основательно, надо полагать, редактируя дневник? Едва ли это послужило на благо его репутации в глазах семьи и потомства, будь он протестантом. И, напротив, получить отпущения грехов не где-нибудь, а в одной из трех главной святынь католической Европы — это ли не предмет гордости для католической родни в далекой Силезии? Именно здесь убедительно проступает скорее католицизм Лассоты, нежели его протестантская скрытность. В тексте свидетельства говорится, что Лассота был прихожанином некоего епископства и дал обет отправиться к чудотворному образу в Ченстохове. Епископство не названо, и, был ли он позже в Ясногорской обители, мы не знаем: записи о его путешествии в Польшу по выборным делам патрона эрцгерцога Максимилиана не содержат упоминаний о посещении именно Ченстоховы. Хотя, возможно, стандартизация подобных документов, трудности перевода и известная спешка из-за многочисленности паломников, исключала здесь точность.

Записи даны по григорианскому календарю и тогда, когда он сталкивался на чужбине со старым исчислением, звучат специальные оговорки, как, например, у шведов, во время злополучных перипетий 1590–1593 гг. (*Vetero stilo*). Шведы прямо подозревали его в католичестве. Ключевой момент — реплика, брошенная будущим королем Швеции, герцогом Карлом на допросе Лассоты 24 декабря 1590 г.: «Эй, я-то знаю, какого ты Бога имеешь за душой!» «И так говорил он (Карл Зюдерманландский. — *Авт.*), ибо подозревал, будто я принадлежу католической вере»²³. Шведов, видимо, раздражали и итальянские контакты Лассоты с его земляками-силезцами. Их они обвиняли в разжигании смут, косвенно ударившим по

²¹ Запись от 23 октября 1581 г. см.: *Das Tagebuch*. S. 73.

²² Записи за 25–27 января 1581 г. см.: *Ibid.* S. 54–58.

²³ *Ibid.* S. 251.

позициям шведского претендента в Польше. Лассота, видимо, рассказывал о своих приключениях на юге спутникам, но вряд ли демонстрировал конфессиональную принадлежность, по крайней мере открыто: иначе его «толмач», взятый на службу в Любеке, и выдавший миссию в Россию после пленения, не преминул бы проговориться о «неправильной» конфессиональной ориентации бывшего господина.

Автор не раз взывает к Всевышнему, но подобные инвокации едва ли могут служить признаком только лишь протестантского вероисповедания. И тогда, и позже оно было конфессионально нейтральным. Подробно о молитвеннике, найденном у Лассоты при обыске шведами в декабре 1590 г., ничего не говорится. Скорей всего он был протестантский, иначе бы в руках у шведов оказалось прямая улика. И это не столько доказывает принадлежность нашего героя евангелической вере, сколько его осторожность: он отправлялся в русские земли по маршруту, соприкасавшемуся с владениями лютеранской Швеции. Кроме того, молитвенники разных конфессий были тогда в ходу и у католиков, и у протестантов: важен был выбор конкретных текстов самим верующим. Акты визитаций католических и протестантских владений тех лет полны многочисленных жалоб на неразборчивость в употреблении духовной литературы, причем не только прихожанами, но и духовенством²⁴. На предусмотрительность Лассоты указывает и припрятанное им платье, выдаваемое за венгерское, обнаруженное шведами на месте стоянки его крохотной группы под Нарвой: конечно же, речь идет об имитации русской одежды на случай благополучной экспедиции в Ивангород с письмом эрцгерцога Максимилиана.

Наконец, давая немногие портреты духовных лиц католической Европы, о которых получал информацию, Лассота не скупился на добрые слова, например в адрес архиепископа Браги²⁵.

Лассота состоял на службе у родственников императора. Тогдашние придворные штаты все еще содержали смешанный конфессиональный элемент, появление протестантов подле престола никого не удивляло. Но все же уже намечалась тенденция обретения конфессионального монолита, причем именно при дворе братьев Рудольфа II. Эрцгерцог Максимилиан и император были вполне дисциплинированными католиками, эра «эразмианца на троне» Максимилиана II уходила в прошлое²⁶. Едва ли августейшая персона выбрала бы для ответственной дипломатической миссии неблагонадежного иноверца.

Вполне вероятно, удалось бы пролить свет на рассматриваемый вопрос, сопоставляя текст Лассоты с записями паломников второй половины XVI в. В те годы заповеди Тридента, в том числе в вопросах личного благочестия и «шкалы» добрых дел, все больше влияли на духовную практику католического сообщества. Впрочем,

---

²⁴ Аспекты повседневного благочестия см.: *Koch E.* Das konfessionelle Zeitalter-Katholizismus, Luthertum, Calvinismus (1563–1575). Leipzig, 2000; *Schmidt H. R.* Die Konfessionalisierung im 16. Jahrhundert. München, 1992. S. 60–61, 101–103; специально по молитвенникам католических и протестантских земель эпохи Контрреформации: *Hoffman L. A., Achten G., Schulz F., Bloth P. C.* Gebetbücher I. Judentum II. Mittelalter III. Reformations- und Neuzeit IV. Praktisch-theologisch // *Theologische Realenzyklopädie*. 1984. Bd. 12. S. 103–124; *Schott A.* Das Gebetbuch in der Zeit der katholischen Restauration // *Zeitschrift für katholische Theologie*. 1937. Bd. 61. S. 1–28, 211–257.

²⁵ Запись за 18 января 1581 г. см.: *Das Tagebuch*. S. 53.

²⁶ См.: *Noflatscher H.* Glaube, Reich und Dynastie. Maximilian der Deutschmeister (1558–1618). Marburg, 1987; *Vocelka V.* Rudolf II. und seine Zeit. Wien, Köln, Graz, 1985; *Evans R. J. W.* Rudolf II. Ohnmacht und Einsamkeit. Graz, 1980.

даже поверхностный взгляд способен убедить скорее в обычности духовного восприятия Лассоты, именно как католика, нежели наделять его особой индивидуальностью. Путешественник по службе знакомится с особенностями регионального духовного уклада, не более. Он не отрицает и не критикует увиденное, но его выдают подробности, описанные им с подлинным восторгом.

Новое издание вновь позволяют ставить проблему европейской и имперской знати как социальной группы и ее мировоззрения. Здесь методологически следовало бы выделить две сферы: дворянин в сообществе «своих» и дворянин в координатах собственной репрезентации. Первый аспект исключительно рельефно выражен в тексте записок. Лассота — прежде всего звено обширного кланового сообщества. Оно распадается на группы близкой и дальней родни, обширной клиентелы. Силезец постоянно упоминает своих родственников и чувствует свою сопричастность их судьбе. Рядом с ним — его родной брат Фридрих, двоюродные братья Николай, Людвиг и Пауль, некие родственники Самуил и Ганс. Вместе они на учебе в Италии, в португальских кампаниях и позже участвуют в его делах как дипломата и агента Габсбургов.

Но лучше всего рефлексии дворянской идентичности проступают в моменты крайней опасности. Таковыми, бесспорно, можно полагать годы шведского плена. Никогда ни до, ни после Лассота не был так близок к катастрофе, как в 1590–1593 гг. На допросах перед чинами шведского Государственного Совета и лично перед герцогом Карлом ясно очерчивается пространство его «дома»: он подчеркивает свои силезские корни и оправдывает земляков, если те оказались повинны в шведских проблемах, называет число сожженных сел и городов во время польской смуты. Силезия для него — малая родина в структурах большой — землях империи Габсбургов²⁷.

Обращает на себя внимание и мир его «свойства», близости к именитым семьям. В Италии он лично ознакомился с отпрысками саксонских и шведских дворянских родов, не говоря уже о земляках-силезцах. Оказавшись под арестом в Швеции, он активно использует инструмент родственных и личных связей: на изнурительном и долгом допросе 24 декабря 1590 г. Лассота, защищая свой дворянский статус от наветов, перечисляет известных ему шведских дворян Акселя Левенкофа, Туро Бильке, братьев Иоганна и Эрнста Шпарр, королевских советников и военных, дворян из Майсенской земли (курфюршество Саксония) именно как свидетелей его «благородства»²⁸. Ниже он подчеркивает радушную встречу с ним, тогда уже заключенным, Эриха Билке, бывшего на службе польского короля, родственника упомянутого выше Туро Бильке, предлагавшего Лассоте помощь польских властей²⁹.

Характерна и встречная реакция высокопоставленных шведов. Они пытаются уговорить Лассоту на нужное «признание», указывая на знакомство с близкими дому людьми. Барон Гилленшерна (Гульденшерна), канцлер шведской короны, вспоминает, что в бытность свою в Виттенбергском университете он знал одного из Лассот, тот был ему близким другом, и сейчас ему, Гилленшерне, было прискорб-

---

²⁷ Das Tagebuch. S. 247.

²⁸ Ibid. S. 253–254.

²⁹ Запись за 25 декабря 1590 г. см.: Ibid. S. 255.

но видеть страдания его родственника³⁰. Впоследствии Лассота неоднократно виделся с Левенкопфом, Бильке, их родней. Собственно, линия личных знакомств стала одной из основных в спасении силезца. Именно после бурных объяснений и допросов конца 1590 — начала 1591 г. для него забрезжил свет надежды.

Сам Лассота постоянно упоминал всех значимых с точки зрения общественной иерархии лиц, встречавшихся ему на пути. Он прилагает списки португальских дворян, оказавшихся в опале после 1580 г., перечисляет и упоминает офицеров его наемных немецких войск, не забывает испанское начальство и персонально герцога Толедского всегда, когда пересекались их пути. И даже перед лицом трагичной неизвестности Лассоте не изменяют честолюбивые нотки общественного признания: уже находясь под шведским арестом на борту галеры «Лебедь», взявшей курс из Нарвы в Швецию, он с некоторой гордостью констатирует, что «почти весь день пробыл при особе командующего (Amiral), с ним должен был есть и пить, причем в присутствии большого общества военных, отчего мы получили немалое удовольствие»³¹. Лассота не забывал имен и чинов шведских, испанских, португальских и польских дворян, общавшихся с ним или встречавшихся на пути. Перед читателем проходит вереница знатных персон, и в этом смысле записки отражают исключительно сословное мировоззрение. Автор ощущал себя в центре интернационального мира европейской знати.

Хорошо явлена функциональная ипостась дворянина: его военная служба. Лассота подробно информировал о пиренейских экспедициях, анализировал и размышлял над боевыми действиями своих подчиненных, земляков-немцев, их испанских союзников в Португалии, особенно во время морского похода к Азорам. Он чувствовал себя профессиональным военным, хотя и старался поменьше говорить о неудачах, как, например, о поражении немецкой пехоты под Бычином в 1588 г.³²

Внимательно фиксировались детали военных операций, особенно на португальском театре военных действий. Лассоту особенно интересовала тактика испанских терций под руководством герцога Толедского. Не случайно к тексту приложена и диспозиция союзных войск перед решающей схваткой близ Лиссабона, составленная Альбой³³. Чувствуется взгляд со стороны, из Центральной Европы, но полный почтения перед достижениями испанской военной машины.

Переизданный источник открывает прекрасные возможности исследования структур дворянского самосознания. Лассота неоднократно осмысливал значение статуса дворянина и его функций. При этом ключевым моментом вновь выступали дни шведского заточения. В ответ на угрозы герцога Карла применить строгие меры и даже отправить злосчастного посланца на виселицу, силезец разразился пламенной тирадой: он честный дворянин, его честь (Ehre) и добродетель (Tugend) унаследованы от предков, живших за несколько веков до сего дня. И честь, и добродетель он, Лассота, желает унести в могилу. Ради оправдания он просил лишь сообщить императору относительно обстоятельств его шведского несчастья. Перед нами — типичный представитель дворянства по крови, дороживший прирожденным благородством, ставивший себя выше прочих выскочек и готовый принять

³⁰ Das Tagebuch. S. 253.

³¹ Запись за 1 ноября 1590 г. см.: Ibid. S. 240.

³² Ibid. S. 188.

³³ Ibid. S. 43–48.

волю рока, но до последнего вздоха стремившийся исполнить служебные обязанности. Они воплощали его личную добродетель, как отражение чести.

Лассоту можно было арестовать, ограбить, лишить слуг и имущества, наконец, угрожать его жизни, но всегда последним ориентиром для него оставались его социальный статус и вытекающий из этого служебный долг. Подробное описание его злоключений на русском берегу под Нарвой в октябре 1590 г. — не только перечень бытовых или этнографических «редкостей». Имперский посланец сделал все, чтобы до конца выполнить возложенную на него миссию. Он проявлял храбрость, знание военного дела и, лишь исчерпав все возможности, вынужден был уничтожить бывшие при нем письма русскому начальству в Ивангород ради спасения чести своего патрона.

Линия противостояния доброго начала, его как «честного дворянина», и злой тирании достигает кульминации в уже упомянутых сценах стокгольмского плена. Лассота апеллировал к праву и христианскому обычаю, протестовал против угроз насилия со стороны шведов. «Не знаю я, было б мне хуже от турков или язычников, случись такое». Силезец выражал надежду, что герцог Карл даст ход делу, сообразуясь с «естественным правом». Его же визави, Карл Зюдерманландский, лишь надменно смеялся: «Что мне право? У нас в Швеции не знают никакого права!» Лассота, хорошо запомнивший эти слова, приправил их примечательной латинской сентенцией «*O vocem barbaram et indignam principe Christiano, quam tamen non adeo falsam fuisse, longa experientia didici*»³⁴.

Несомненно, путевые записки Эриха Лассоты все еще сохраняют значимость в контексте описания Запорожья конца XVI в. Впервые они были введены в научный оборот в конце XIX в., когда был издан фрагмент этого дневника в переводе на русский язык³⁵. Эта публикация имела огромное значение для исследователей истории Украины и Восточной Европы, так как представляла собой уникальное свидетельство очевидца, лично побывавшего в Запорожье на заре казацкой славы и влияния. В начале XXI в. фрагмент записок был перепечатан в сборнике, посвященном истории Запорожья³⁶.

Лассота лично вел переговоры с запорожцами, пытаясь договориться об их участии в качестве наемного войска для императора Священной Римской империи. Переговоры эти происходили за два года до знаменитого восстания Северина Наливайко, которое началось как раз после успешного участия запорожцев в войне с Османской империей на основе заключенного с императором союза.

Будучи внимательным и наблюдательным человеком, Лассота оставил не только точные, но и удивительно живые и колоритные воспоминания о реалиях Запорожской Сечи. Кроме того, в записках имеется множество подробных описаний городов и замков Речи Посполитой, через которые проезжал Лассота, в том числе украинских. Особого внимания, в частности, заслуживает описание Киева, его древних развалин и построек образца эпохи, предшествовавшей Брестской унии.

³⁴ Ibid. S. 252. — Отчасти шведский эпизод его странствий исследовался самими издателем: *Riis Th. Der gefangene Diplomat: Erich Lassota von Steblau in Skandinavien (1590–1593). Bemerkungen zum Quellenwert der Reiseberichte // Wirken und Bewahren. Beiträge zur regionalen Kulturgeschichte und zur Geschichte der Eutiner Landesbibliothek. Festschrift für Ingrid Bernin-Israel. Eutin, 2008. S. 357–372.*

³⁵ Путевые записки Эриха Лассоты, отправленного римским императором Рудольфом II к запорожцам в 1594 г. / пер. и примеч. Ф. Буна. СПб., 1873.

³⁶ *Шумов С. А., Андреев А. Р. История Запорожской Сечи. Киев; М., 2003. С. 550–567.*

В частности, Лассота описывал Софию Киевскую и те погребения, которые в ней сохранялись в 1594 г., или по крайней мере те легенды, которые про них рассказывали (например, про могилу Ярослава Мудрого, Ильи Муромца и др.). В дневнике есть описание Золотых ворот, мощей св. Варавары в церкви Св. Михаила, подробные описания пещер Киево-Печерской лавры и др.

Следует отметить, что все историки, использовавшие материал Лассоты в контексте истории Украины, пользовались именно публикацией 1873 г. Между тем она охватывает только путевые записки с 6 июня по 1 июля 1594 г. В то время как мы видим из современного издания оригинала, дневник поездки на Запорожье начинается с 14 января и заканчивается 24 августа. Таким образом, априори в нем могут содержаться детали и описания, важные для истории переговоров Священной империи с Запорожьем, а также дополнительные подробности путешествия через Речь Посполитую.

В дневнике Лассоты содержится множество уникальных свидетельств об устройстве, традициях и системе управления Запорожской Сечи конца XVI в.; о том, как запорожцы вели переговоры с представителями иностранных держав (чувствуя себя совершенно независимыми от Речи Посполитой), причем не только с самим Лассотой, но и с послами московского царя; о том, какие условия они выдвигали и что предлагал в ответ император. Очень важны описанные детали взаимоотношения кошевого атамана (у Лассоты — гетмана) Богдана Миклошевского с «чернью» или «сиромой» запорожцев. Весьма показательной является фигура Хлопицкого, через которого осуществлялось посредничество между императором и Запорожьем. Судя по тому, что его жена жила во Львове, можно сделать вывод, что среди запорожцев конца XVI в. были люди весьма зажиточные и проживавшие в различных регионах Украины.

Яркое изображение взбалмошности и сумасбродства запорожцев, особенно заметное во время переговоров и отражавшееся на событиях, происходивших в раде, описанное Лассотой на страницах его дневника, вполне конкурирует с описаниями самого Н. В. Гоголя в колоритных сценах Запорожья из «Тараса Бульбы».

Описание Лассоты — уникальный материал, не имеющий аналогов. У Боплана имеются важные материалы о Запорожье, но речь идет уже о другой эпохе второй четверти XVII в. — после Петра Сагайдачного, когда реестровое казачество стало более влиятельным, чем классическая Сечь. И Лассота, и Боплан лично путешествовали по Днепру через пороги (в те времена путешествие было смертельно опасным), и их подробные заметки создают уникальную основу для понимания реалий, которые окружали вольную Сечь.

В нашем распоряжении имеется чрезвычайно мало достоверных свидетельств о силе и возможности запорожцев — именно не реестрового казачества Войска Запорожского, находившегося на службе у короля, а вольного, жившего на свой страх и риск за порогами.

Лассота предлагает нам подробное описание жилищ запорожцев (хижины из прутьев, обтянутые шкурами лошадей), того, как проходили рады, какова была функция есаулов и других старшин при принятии основополагающих решений. Как проходили международные переговоры запорожцев, что являлось для них основным в принятии решения о заключении союза.

Другие известные описания Запорожской Сечи, например, шведского генерала Норберга, были сделаны в начале XVIII в. и относятся к еще одной, совершенно отличной, эпохе из истории Запорожья. Все остальные известия о запорожцах, например этнографические записи Д. Яворницкого, отражают реалии уже Новой Запорожской Сечи второй четверти — середины XVIII в.

Таким образом, описание Эрика Лассоты — уникальный материал, отражающий реалии ранней Запорожской Сечи конца XVI в., созданный заинтересованным, внимательным автором, свидетелем событий. Полная академическая публикация данных записок открывает возможность получения новых, дополнительных знаний об этой эпохе.

Новое издание записок Лассоты во всех дошедших до нас частях не только «освежает» уже порядком устаревший текст Р. Шоттина или отдельных переводов. Оно вновь побуждает взглянуть на авторский текст как на своего рода «энциклопедию» эпохи.

Кажется, что изданию Т. Рииса не хватает несколько более развернутых комментариев или, быть может, даже нескольких очерков, показывающих отдельные аспекты источника. Во всяком случае, отсылки на актуальную литературу не только по запискам Лассоты, но и в связи с контекстом эпохи были бы вполне уместны.

Возможно, оправданно, опустив многочисленные биографические справки об упомянутых в записках лицах, издатель ограничился лишь указателем имен и терминов. Вполне корректно воспроизведен и сам текст — в орфографии и стилистике автора без каких-либо правок. Но можно было бы усилить научный аппарат и дать комментарии, по крайней мере к ключевым событиям. Явно не хватает и карт, иллюстрирующих географию путешествий.

Впрочем, все эти замечания не могут перечеркнуть научной значимости новой книги. Хотелось бы в недалеком будущем видеть своеобразное научное приложение к запискам Лассоты: коллективную монографию или материалы международных конференций, освещающих проблематику его текста на междисциплинарном уровне.

References

- Balcke J. Das Herzogtum Schlesien im politischen System der böhmischen Krone. *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*, 1995, Nr. 45, S. 21–55.
- Conrads N. Schlesiens frühe Neuzeit. *Schlesien*. Berlin, Siedler, 1994, S. 13–36.
- Evans R. J. W. *Rudolf II. Ohnmacht und Einsamkeit*. Graz, Styria Verlag, 1980, 252 S.
- Hocke G. R. *Europäische Tagebücher aus vier Jahrhunderten. Motive und Anthologie*. Frankfurt am Main, Fischer Taschenbuch Verlag, 1991, 1135 S.
- Hoffman L. A., Achten G., Schulz F., Bloth P. C. *Gebetbücher I. Judentum II. Mittelalter III. Reformations- und Neuzeit IV. Praktisch-theologisch*. Theologische Realenzyklopädie, 1984, Bd. 12, S. 103–124.
- Koch E. *Das konfessionelle Zeitalter-Katholizismus, Luthertum, Calvinismus (1563–1575)*, Leipzig, Evangelische Verlagsanstalt, 2000, 356 S.
- Krusenstjern B., von. Was sind Selbstzeugnisse? Begriffskritische und quellenkundliche Überlegungen anhand von Beispielen aus dem 17. Jahrhundert. *Historische Anthropologie. Kultur, Gesellschaft, Alltag*, 1994, Bd. 2, S. 462–471.
- Machilek E. Schlesien. *Territorien des Reichs im Zeitalter der Reformation und der Konfessionalisierung*, Bd. 2, Münster, Aschendorff, 1990, S. 102–138.

- Noflatscher H. *Glaube, Reich und Dynastie. Maximilian der Deutschmeister (1558–1618)*. Marburg, Elwert, 1987, 408 S.
- Prokopiev A. *Iokhann Georg I kurfiurst Saksonii. Vlast' i elita v konfessional'noi Germanii*. St Petersburg, SPBU Press, 2011, 838 p. (In Russian)
- Putevye zametki Erika Lassoty, otpravlenogo rimskim imperatorom Rudol'fom II k zaporozhtsam v 1594 / perevod i primechaniia F. Bruna*. St Petersburg, Tip. P.P. Merkur'eva Publ., 1873, 96 p. (In Russian)
- Riis Th. Der gefangene Diplomat: Erich Lassota von Steblau in Skandinavien (1590–1593). Bemerkungen zum Quellenwert der Reiseberichte. *Wirken und Bewahren. Beiträge zur regionalen Kulturgeschichte und zur Geschichte der Eutiner Landesbibliothek. Festschrift für Ingrid Bernin-Israel*. Eutin, Eutiner Landesbibliothek, 2008, S. 357–372.
- Schmidt H. R. *Die Konfessionalisierung im 16. Jahrhundert*. München, Oldenbourg, 1992, 162 S.
- Schott A. Das Gebetbuch in der Zeit der katholischen Restauration. *Zeitschrift für katholische Theologie*, 1937, Bd. 61, S. 1–28, 211–257.
- Schulze W. Ego-Dokumente. Annäherung an den Menschen in der Geschichte? Vorüberlegungen für die Tagung «Ego-Dokumente». *Ego-Dokumente. Annäherung an den Menschen in der Geschichte*. Berlin, De Gruyter, 1996, S. 11–30.
- Selbstzeugnisse in der Frühen Neuzeit. Individualisierungsweisen in interdisziplinärer Perspektive*. Ed. by C. von Greyerz. München, Oldenbourg, 2007, 201 S.
- Shumov S. A., Andreev A. R. *Istoriia Zaporozhskoi Sechi*. Kiev, Moscow, Monolit Publ., 2003, 630 p. (In Russian)
- Vocelka V. *Rudolf II. und seine Zeit*. Wien, Köln, Graz, Böhlau, 1985, 228 S.
- Weber M. *Das Verhältnis Schlesiens zum Alten Reich in der Frühen Neuzeit*. Köln, Böhlau, 1992, 511 S.
- Wuthenow R. R. *Europäische Tagebücher. Eigenart, Formen, Entwicklung*. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1990, 237 S.

Статья поступила в редакцию 9 декабря 2021 г.

Рекомендована к печати 14 марта 2022 г.

Received: December 9, 2021

Accepted: March 14, 2022